

Иосиф Дзялошинский: «Нового Ломоносова нам придется ждать очень долго»

Талант нужно выращивать, он сам не вырастет, это не чертополох, - считает профессор Иосиф Дзялошинский, председатель Совета директоров Независимого института коммуникативистики. Но каким образом общество может искать, находить таланты и помогать им, чтобы накапливать интеллектуальный ресурс и развиваться? Есть ли механизмы для этого в системе образования? Об этом читайте в интервью.

Иосиф Михайлович Дзялошинский - профессор Высшей школы экономики, председатель Совета директоров Независимого института коммуникативистики, член Международной академии информатизации, профессор Европейского института PR и коммуникации (Франция). Автор более 200 научных публикаций по таким темам, как социальные контексты функционирования СМИ, теория и методика паблик рилейшнз, журналистское мастерство, информационная открытость различных структур общества, взаимоотношения прессы и власти и др.

Вестник Абитуриент: Иосиф Михайлович, что вы думаете о современном студенчестве?

Иосиф Дзялошинский: Нынешнее студенчество очень разное. Уровень подготовленности, энергичности, инициативности, амбициозности молодых людей, которые идут в так называемые качественные или престижные учебные заведения, на порядки выше соответствующих качеств тех молодых людей, которые идут в коммерческие вузы или вузы второго уровня. Например, в Высшей школе экономики студенты с первого курса знают, что они будут политической элитой, что они будут принимать решения по поводу страны - они так о себе и заявляют. Приходишь в какой-нибудь другой вуз и видишь, что ребята там серые, спокойные, без амбиций, без желания, а просто за дипломом пришли. Раньше я таких различий настолько жестко и отчетливо не замечал. 8 >>

7 >> При этом уровень амбициозности и подготовленности не всегда зависит от материального благополучия.

ВА: Но те, кто едет в столичный вуз отсюда, как раз и есть амбициозные люди, часто лучше других подготовленные...

ИД: Да, это правда, уровень амбициозности иногородних студентов как правило, выше амбициозности местных студентов. И они, обычно, лучше учатся. Видимо, есть у них какой-то внутренний импульс...

Так что первое, что бросается в глаза при анализе жизни современных российских вузов - это нескрываемые различия в амбициях студентов, а значит и в мотивации.

Второе - существенное различие в технологии и качестве подготовки. Сравнивая несколько вузов, можно зафиксировать, что в учебных заведениях, стремящихся вписаться в общеевропейские или мировые образовательные тенденции, качество преподавателей лучше, организация учебного процесса динамичнее, активнее используются современные технические ресурсы. И требования преподавателей к студентам выше. Например, в Высшей школе экономики за плагиат - списанный реферат или списанную контрольную работу - студентов наказывают. Во многих других вузах студенты поголовно списывают, скачивают все с Интернета, и это, как правило, никого не волнует, потому что преподавателей никак не мотивируют на серьезное отношение к письменным работам.

В общем, система высшего образования в той мере, в какой я ее знаю, чрезвычайно контрастна и не может быть описана какими-то общими схемами.

ВА: Сейчас участники образовательного процесса довольно часто упоминают об идее «образование в течение всей жизни». Откуда эта идея к нам пришла и есть ли другие, новые идеи, в которых наше образование могло бы черпать вдохновение для развития?

ИД: Эту идею - «образование в течение

всей жизни» - ЮНЕСКО выдвинуло в качестве своей глобальной цели еще в семидесятых годах. Это означает, что государство, которое является членом ЮНЕСКО, должно создавать условия постоянного изменения знания человека, чтобы он адаптировался к условиям меняющейся жизни. Речь о профессиональной и образовательной адаптации.

Так что это старая идея, в ней ничего нового нет.

Другое дело, если в государстве, в котором эта идея становится инструментом регулирования, действительно создается система повышения квалификации, стимулируется само повышение квалификации. Сегодня, например, во многих американских и немецких фирмах работник, повысивший свою квалификацию, получает повышение зарплаты или повышение по должности. Ты поучился,

пришел и показал, чему научился, тебя повысили - есть мотивация к обучению.

У нас, к сожалению, кроме слов, ничего нет. Бизнес не заинтересован в повышении квалификации в массовом масштабе ...

ВА: Неужели? Тогда каким же образом он выходит из положения?

ИД: Бизнес предпочитает воровать кадры. Я имел некоторое отношение к трудоустройству кое-каких вполне пристойных молодых людей, которые у меня учились. Они сначала пошли по рекрутерским фирмам. «Опыт есть?» - «Опыта нет» - «Спасибо, до свидания». Выясняется, что большая часть бизнеса, за исключением самого крупного (готового потратить хоть какие-то деньги), предпочитает брать готового специалиста, перехватывая его оттуда, где он уже чему-то научился. И только в последний год-два рекрутерские фирмы стали говорить о готовности некоторых представителей бизнеса хоть что-то инвестировать в развитие своих сотрудников.

При этом я не говорю про людей массовых профессий. Там вообще нет никаких мотиваций и тем более никаких государственных усилий для того, чтобы лю-

Мы получили
девальвированное
высшее
образование,
которое
по доступности
и по качеству
выдачи продукта
перестало быть
элитарным. И это
не остановимо, как
и удешевление
всех валют мира.

ди хотели и могли повысить свою квалификацию. Поэтому, на мой взгляд, проблема здесь в том, чтобы найти адекватные механизмы, способствующие участию государства в мотивировании и реализации образовательных программ. Но до тех пор, пока наше всепроникающее государство будет только кивать - «это надо, это правильно» - никто ничего делать не будет.

ВА: На официальном уровне часто говорится о том, что высшее образование стало чуть ли не массовым. С каким знаком вы бы оценили сегодня этот факт?

ИД: Мы должны различать смыслы высшего образования. Это как курс валют. Некогда за 25 рублей можно было купить корову. Сто долларов в 1923 году были очень хорошие деньги. С тех пор и рубль подешевел, да и доллар стал не тем. То же самое можно сказать об образовании. Когда-то и десять классов считалось хорошим образованием. Техникум и вовсе давал вполне приличную специальность. Высшее учебное заведение было не всем доступно. На Донском кладбище недалеко от входа есть могила - большая гранитная плита, на которой высечено: здесь покоится дипломированный инженер такой-то. Человек - или его родственники - понимали, чем он отличается от других. Дипломированный инженер! А помните ромбики? В мое время еще ромбики носили...

ВА: А в наше время их далеко не везде дают...

ИД: Вот именно. Прежде диплом о высшем образовании включал тебя в некую элиту. Потом стало ясно, что высшее образование само по себе уже не элитарно, и тогда возникла проблема ученой степени. Я еще помню времена, когда звание кандидата наук звучало вполне прилично. Теперь быть кандидатом как-то неприлично. Значит, в результате девальвирования одних уровней образования возникают другие, которые дают взошедшему на него человеку право считать себя элитой. Сейчас это докторская степень. Вон Жириновский доктор философии.

Массовизация высшего образования приведет к возникновению новых дополнительных элементов для выделения социальных групп. Вспомним МВА, куда сейчас все рвется.

А раз рвутся - значит, мы получили девальвированное высшее образование, которое по доступности и по качеству выдачи продукта перестало быть элитарным. Я думаю, этот процесс не остановим, как не остановимо удешевление всех валют мира. Массовизация образования - это не достоинство и не недостаток, это неотъемлемая тенденция информационного общества.

ВА: Идея образования в течение жизни имеет ли связь с девальвацией образования?

ИД: Да, имеет, только здесь надо очень осторожно формулировать. Речь идет о том, что высшее образование по самой своей сути дает некие базовые подгоготовку, ценности и представления. Эти представления, по данным ЮНЕСКО, уцениваются за пять лет. За пять лет, если ты не занимался повышением квалификации, полученные в вузе знания, кроме фундаментальных истин, можешь выбросить на помойку. Поэтому идея непрерывного образования предполагает, что ты все время должен бежать, чтобы хотя бы не стоять на месте. Но если ты хочешь всерьез сдвинуться с места, ты должен бежать очень быстро.

А вот для того чтобы человек хотел бежать, условия его жизни, условия работы должны быть такими, чтобы он объективно нуждался в новых знаниях. Иначе мы опять получим девальвацию.

ВА: Как, по-вашему, в России сейчас что-то делается для мотивации человека на обучение?

ИД: Уже не раз я высказывал опасения, что у нас одни схемы социального развития никак не связаны с другими. Министерство образования что-то делает, какие-то системы внедряет, а реальная жизнь большинства людей не предполагает необходимости обновле-

9 >> ния их знаний. Большинство у нас живут и работают в тринадцатом веке: бери больше - кидай дальше, и все дела. По данным, которыми я располагаю, у нас сегодня в стране до 70% рабочих мест не требуют от человека повышения квалификации. От него требуют навыка - крути гайку, крути болт, копай, вон люди ходят с транспарантами на спине и животе... То есть человек становится элементарной функцией трудовой операции, здесь не надо никакого образования. Если же реальная жизнь, в которую он вовлечен, будет требовать от него эффективных схем деятельности, тогда появится внутренний импульс к обновлению знания. Тогда сомкнутся усилия по созданию самой этой системы и потребность людей. Вот этого пока нет. Поэтому сейчас, когда я говорю, что главная-то задача - изменить фундамент жизни, я имею в виду это.

ВА: Доля бесплатного образования снова сокращается. Можно ли предсказать, что будет и с самим абитуриентом, и со степенью элитарности специалиста с дипломом о высшем образовании, если платное образование вытеснит бесплатное?

ИД: Я за разумное соотношение платного и бесплатного образования. Что значит разумное? Это означает безусловное бесплатное среднее образование, как некий базовый уровень компетентности гражданина. Возможна небольшая плата за то, что можно называть бакалавриатом, то есть за первую ступень высшего образования. При этом должна быть максимальная сеть кредитования образования специалиста. Через банк, через работодателя, через государство. С отсрочкой на пять лет, на десять лет. И дальше - существенно повышающееся в цене, дорогое образование, получение которого способствует более высоким заработкам и более значимому социальному положению.

Другими словами, государство - общество в лице государства - должно обеспечить обязательный минимум подготовленности гражданина, создать условия, при которых он всегда сможет получить льготный кредит на то, чтобы стать профессионалом высокой квалификации. Далее - нужна система многомерных, самых различных форм личного кредитования, платных форм повышения квалификации. Причем кредит должен быть таким, чтобы, с одной стороны, ты мог бы его всегда отдать, с другой стороны, чтобы тот, кто обеспечивает это твое повышение квалификации, был заинтересован в создании высококлассных систем обучения.

На самом же деле мы имеем не то. У нас сейчас только один банк дает кредиты на образование, все остальные боятся давать эти кредиты. Большая часть родителей либо не в состоянии, либо не понимают, зачем они должны инвестировать в обучение своих детей, я имею в виду семьи тех, что называются «синие воротнички» - трудовое сословие.

Получается, что отбор идет чуть ли не по Марксу - эксплуататорские классы сами себе создают свою интеллектуальную среду, а все остальные отсечены. Я в данном случае не как марксист рассуждаю, не с точки зрения осуждения безнравственности эксплуататорских классов, а с точки зрения того, что без притока свежей крови элиты выдыхаются, вымирают. Во все времена были специальные механизмы - через стипендии, через царские, государственные всякие стипендии - вовлечения в элиту людей из социальных и прочих низов. Это

Реальная жизнь большинства людей не предполагает необходимости обновления их знаний.

Большинство у нас живут и работают в тринадцатом веке: бери больше - кидай дальше.

Сегодня в стране до 70% рабочих мест не требуют от человека никакой квалификации.

давало новый импульс к развитию. Сейчас этого нет, но к этому можно прийти через систему кредитования, через систему стипендий, причем стипендий не от личникам, как это делают наши олигархи, а стипендии тем, у кого есть способности, но которые не смогли получить образование.

У советской власти была особенность, которая, как мне кажется, утеряна зря. Она давала возможность людям из социальных и прочих низов при определенном личном усилии войти в состав элиты. Понятно, что это делалось при идеологических и прочих фильтрах, однако новые люди перемешивали эту элиту и давали возможность ей постоянно обновляться. Сейчас мы отрубили этот вариант. Мы получаем ситуацию, при которой ждать нового Ломоносова нам придется очень долго...

ВА: Неравенство в образовании - это признанный факт, но где именно и как именно начинается отделение одних от других? Почему одни обязательно проворуются, как говорятся, а другие останутся там, откуда пришли?

ИД: Мое мнение: все начинается там, в фундаменте общества. Недостаточное количество мест, чтобы впитать, инкорпорировать всех, даже желающих иметь хорошее образование. Они не нужны как таковые на верхних этажах, поэтому в очереди в социальный лифт начинается неужная давка. И эта давка предопределяет то, что в лифт попадут не те, у кого есть способности, или даже мотивация, или даже амбиции, а те, у кого покрепче мускулы или больше сил - то есть люди с деньгами. Что я и наблюдаю. У меня на курсах очень четко видно тех, кто прорвался, потому что хочет, и тех, кто, что называется, имел репетиторов с первого класса и знает все, что нужно ответить.

Вообще вопросы соотношения способностей и возможностей очень важные вопросы, и не только с точки зрения социальной справедливости, но и с точки зрения угрозы, которую подобная система несет для социального развития. Мы получаем на выходе часть элиты, которая принимает решения, будучи не мотивированной на амбициозное поведение. Эта часть элиты не имеет квалификации, по-

тому что пропускала все занятия, зная, что и так удержится. Это проблема не нравственности, а выживания и развития системы.

Какие возможны решения, не знаю, но я помню, что Московский физико-технический институт набирал лучших своих студентов не через экзамены, а отправляя

Я считаю, что
сегодня лозунг
«все зависит
от тебя» - это
попытка элиты
сбросить тех, кто
собирается в ее
ряды без контроля
с ее стороны,
и при этом
обвинить его
самого в том, что
он вот такой.
Именно поэтому
сейчас многие
рвутся
в особые вузы.

преподавателей и аспирантов на лето в деревни. Там они просто тестировали школьников десятых классов - давали им задачки физтеховские, и если школьник эти задачки решал, его брали без экзаменов на основании государственной стипендии. Из них выходили крупные специалисты, многие из которых сейчас управляют космическим комплексом России. Сегодня многие из них вряд ли поступили бы в вуз. Нынешняя система отбора у социального лифта оставляет за бортом очень много талантливых людей, которые могли бы при определенных усилиях стать движителями какой-то мысли. Значит, помимо имеющегося механиз-

ма должен быть какой-то другой механизм выдергивания из толпы способных, но не очень подготовленных или застенчивых.

ВА: То есть не только при усилиях самого человека, но и при благоприятных внешних обстоятельствах. Однако есть такое всем известное обращение к молодым - «будущее зависит от тебя», и некоторые в него крепко верят.

ИД: Нет, я в него не верю. Я думаю, это сознательная мифологема, которая действительно вдалбливается в национальное сознание с целью переложить ответственность за неуспешность жизни на самого человека. Это очень удобно для тех элит, которые контролируют ситуацию. Раз ты неуспешен, значит, ты не сумел, тебе не хватило мотивации, и вообще ты неспособный человек.

Возникновение этой мифологемы было естественным продуктом XVII века в ситуации разрушения сословного 12 >>

11 >> общества. Рушились сословия, и эта мифология позволяла человеку поверить в то, что он может прорваться сквозь сословные ограничители. Ты на поле боя победил - тебе могли дворянство пожаловать. А в Англии до сих пор за заслуги перед отечеством звание лорда дают. Это было возможно при действии локальных систем элитобразования. Все знали: хочешь стать великим художником - поезжай в Париж. Ты пришел в этот круг, тебя признали, вот и мировая известность.

Количество людей, оценивавших, чего ты стоишь, и принимавших решение о твоём втягивании в элиту, было очень ограниченным. Сейчас принципиально иная ситуация.

Сейчас мы имеем гигантское общество, с огромным количеством порогов, с сумятицей в интересах и, самое главное, с жестко занятыми позициями элит. Элита стала большая, сытая, рыхлая, и она не заинтересована в том, чтобы вовлекать новых людей. Поэтому, какими бы силами и талантами ты ни обладал, если тебе нет там места, ты остановишься на проходной, где тебя не пустят. Я и считаю, что сегодня лозунг «все зависит от тебя» - это попытка элиты сбросить тех, кто собирается в ее ряды без контроля с ее стороны, и при этом обвинить его самого в том, что он вот такой.

Именно поэтому сейчас многие рвутся в особые вузы. Молодые люди прекрасно понимают, что если они поступили в престижный вуз, то встали на первую ступеньку эскалатора, который, если устоишь на этом эскалаторе, обеспечит

У нас недостаточное количество мест, чтобы впитать всех желающих иметь хорошее образование. Они не нужны как таковые на верхних этажах, в результате в социальный лифт начинается ненужная давка. И эта давка предопределяет, что в лифт попадут не те, у кого есть способности, мотивация или амбиции, а те, у кого покрепче мускулы - то есть ЛЮДИ С ДЕНЬГАМИ.

им дорогу в «высшее общество». Мои первокурсники все это знают. Система высшего образования начинает рассматриваться не как механизм становления профессионала, а как некий лифт, который должен куда-то тебя привезти, какого бы качества образование у тебя ни было. Люди рвутся в вуз не за профессионализацией, а за возможностью влезть хоть в какой-нибудь лифт.

ВА: На фоне всего сказанного, что такое национальный проект «Образование»?

ИД: У меня идиосинкразия ко всем этим проектам. Они схватывают какую-то частность, но не затрагивают самого главного. Образование, здравоохранение, демография и все прочее - это лишь внешне проявляющиеся чего-то глубоко спрятанного - а именно, понимания человеком своей необходимости в этом мире, своих личных перспектив на самореализацию. Что толку от повышающихся возможностей получить образование, если индивид знает, что количество рабочих мест, где это образование требуется, ограничено? И ему сквозь толпу претендентов все равно не прорваться?

Нужен один национальный проект, который скажет гражданам России, что каждому есть место в этой жизни и каждый может принять участие в реализации своего жизненного проекта.

Мы же получили четыре потребительских проекта, построенных по принципу «мы вам это сделаем, мы вам улучшим жизнь». Для меня такой поход закрывает возможность обсуждения.

Записала Екатерина Верченева